

9 сентября — сороковой день кончины Святослава Теофиловича Рихтера

Святослав Рихтер — человек и музыкант

Мои встречи с Рихтером были редкими, но для меня они были всегда незабываемыми (я не говорю о встречах на улице или концерте, когда мы только здоровались).

В 1955 году я обратился к нему с просьбой послушать 8-ю сонату Прокофьева, так как мой учитель А.Б.Гольденвейзер сказал мне, что этой музыки он не понимает и полезен мне быть не может. Я пришел к Рихтеру домой.

Он провел со мною пять часов и открыл мне глаза на эту музыку и вообще на исполнение Прокофьева. Основное в его указаниях было то, что Прокофьева надо играть не как романтическую музыку, а скорее как Бетховена.

Его указания всегда были очень полезными, они были полны конкретных сравнений, иногда понятных, быть может, ему одному. Вот два примера.

Конец второй части. «Грезы кончились, сон прошел, перед тобой только пустой стол, одинокая тарелка и селедка на ней».

Середина финала: «А здесь толпы людей растекаются по улицам».

Иногда (даже часто) он садился за рояль и играл сам, причем даже его внешние движения были такими же, как во время концерта.

Еще одно замечание: «Вы это очень хорошо сыграли, и я никак не могу понять, что мне здесь не нравится» (это было сказано после исполнения второй части).

После этой единственной встречи моя 8-я соната преобразилась. Гольденвейзер, послушав ее, сказал: «Теперь я понимаю, что это гениальное произведение». Так 8-я соната заняла прочное место в моем репертуаре.

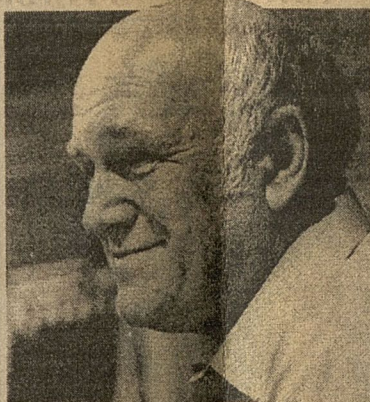
Через несколько лет так случилось, что мы долго гуляли по ночной Москве. Говорили, в частности, о Листе, о его трансцендентных этюдах, которые я только что записал. Рихтер послушал их и похвалил. Я рассказал ему о том, что на эту работу меня вдохновило его исполнение восьми этюдов, которые он часто то-

гда играл в концертах. Но он никогда не играл остальные четыре, причем всегда одни и те же, в том числе и «Chasse-neige» («Метель», №12). На мой вопрос: «Почему?» — он ответил, что остальные четыре ему не нравятся, в том числе и «Метель». Я попробовал напеть начало мелодии этого этюда и сказал: «Но ведь это так прекрасно, неужели и это вам не нравится?» Он ответил: «Это мне нравится, но вот дальше мне уже не нравится». И он напел продолжение (вторую часть той же мелодии).

Однажды мы встретились в музее имени Пушкина, ставшим позднее и местом последнего прощания с ним. Тогда мы просто перемолвились несколькими словами. Интересно, что при каждой встрече Рихтер обязательно спрашивал, играю ли я современную музыку. И на этот раз он снова спросил меня об этом. Почему это всегда происходило, мне так и осталось неизвестным.

Наша новая встреча состоялась в 1994 году в Имоле, куда он приехал специально, чтобы играть для учеников и педагогов академии, где я преподаю. Он уже сильно изменился и с трудом поднялся на эстраду, но играл совершенно гениально 4 баллады Шопена. В перерыве я узнал, что он просит меня прийти к нему после концерта. Когда я вошел к нему, он был один. Совершенно неожиданно меня охватило неслыханное волнение. Я полностью потерял самообладание, я разрыдался и кинулся ему на грудь. Он тоже обнял меня. Я не мог говорить от волнения, говорил больше он. Он, оказываясь, помнил подробности всех наших встреч, говорил, что уже очень устал, что надо прекращать играть, что он уже стар.

Почему я был в таком состоянии? Я оплакивал все хорошее, что я оставил в России, покинув ее. Это встречи с друзьями, русской природой, разрыв с концертной жизнью, частью которой я сам являлся много лет и как исполнитель, и как слушатель, неповторимая атмосфера кон-

Святослав Теофилович Рихтер.

цертных залов, где для меня в течение многих лет неприступной вершиной возникал Рихтер. Какое-то предчувствие говорило мне, что эта наша встреча последняя в моей жизни. Так оно и произошло. Больше мы не виделись.

Вспоминаю слова Гольденвейзера: «Надо любить музыку в себе, а не себя в музыке». Мне кажется, что Рихтеру были одновременно свойственны обе эти любви.

Личность Рихтера не вписывается только в музыкальные рамки. Это художник, мыслитель в плане общечеловеческом.

Я бы разделил творчество Рихтера минимум на три периода. Это молодой Рихтер 40-50-х, полный огня и страсти, набрасывающийся на рояль как лев на оленя, еще не успев сесть за инструмент. (Помню его «Дику охоту» из упомянутых трансцендентных этюдов Листа на Всесоюзном конкурсе в Москве в 1945 году).

Другой период — назовем его «Рихтер в славе». Это время признания за границей. Он сохранил многое, взятое из молодых лет, но появилась большая углубленность (вернее, самоуглубленность), любовное отношение к музыке (и, пожалуй, самолюбование). Именно тогда у него появились очень медленные порою темпы, иногда даже слишком медленные. Известна реакция его учителя Г.Нейгауза, боготворившего своего гениального ученика. После исполнения Рихтером в Москве сонаты Шуберта Сибемоль мажор ор. posth., когда он играл очень и очень медленно, Нейгауз, зайдя к нему после исполнения, сказал только одно слово: «Сомневался».

Эстетика Рихтера требует отдельного исследования. Его импрессионисты (Дебюсси, Равель) просто волшебны, с каким-то отрешенным звуком, законченностью (я бы сегодня сказал, компьютерной законченностью) каждой фразы. Трудно сказать, где он был лучше. Он был лучше везде! (Когда был в форме...)

У Нейгауза он взял дивное многоцветие звучания и еще более обогатил его. Неожиданно, уже в зените славы, он вдруг пришел к Шопену и уже не расставался с ним до последних дней.

Рихтер последних лет — это Рихтер-монумент, но монумент действующий, мудрый, иногда уже уходящий в иной мир.

Рихтер был истинно русским пианистом, ибо он опирался всегда на великие традиции русского пианизма. И он был всегда гражданином своей Родины.

Коммунистический режим причинил ему много страданий. Отец Рихтера был расстрелян перед входом в Одессу немецких войск только за то, что был немцем. Мать покинула Одессу вместе с отступающими немецкими войсками. Из-за этого Рихтера много лет не выпускали на Запад, опасаясь, что он не вернется. Его звала из Германии мать. Но он всегда возвращался на свою землю, к своим слушателям. Вот и летом 1997 года он после трехлетнего отсутствия, связанного с лечением, вернулся в Россию, вернулся, чтобы здесь умереть.

Флоренция

ЛАЗАРЬ БЕРМАН

Памяти великого мастера

«Когда бы все так чувствовали силу Гармонии!»
Пушкин. «Моцарт и Сальери».

Испытывая непреходящее восхищение перед великим маэстро, решаюсь предложить читателям эти разрозненные фрагменты воспоминаний и заметок. Надеюсь тем по возможности послужить в совместных усилиях по сохранению памяти о Святославе Теофиловиче Рихтере.

Великое и личное

Говорить о Рихтере — это, с одной стороны, переживать что-то очень личное, а с другой — соприкоснуться с чем-то грандиозным, неохватным, неподдающимся анализу и логике. Артист, направляя внимание слушателя в сферы, час-

значительным, устремленным к Небу, но и никак не игнорирующим все земное.

«Ничего нет удивительного»

Есть удивительный портрет Рихтера — его писал художник Оскар Кокошка. Артист изображен неожиданно. Это, с одной стороны, какой-то кузнец, молотобоец, привыкший ворожить многокилограммовыми слитками раскаленного металла. Взмокший от жара и физических усилий. С другой — чрезвычайно тонкий художник, из тех, о которых говорят: его нервы обнажены, он «без кожи».

Портрет этот мы увидели на выставке, которую однажды Рихтеры устроили у себя на квартире в доме на углу Малой и Большой Бронной в Москве. На той выставке были представлены только

фото В.Ахломова

то для обычного человека закрытые, помогая ощутить их как нечто интимное.

В искусстве есть предельный уровень, где еще можно вслед за пушкинским Сальери поверять «алгеброй гармонию». Но далее начинаются области иные.

Далее уже не действуют законы обычной логики. Там невозможны привычные словесные формулировки и разумные построения. И, вероятно, там, за чертой «нормального» познания, мы попадаем в сферу, где действуют иные, «ненормальные»... даже не законы, лучше сказать — иные силы. А среди них самая главная — любовь.

Сейчас, ничуть не прикасаясь ко многим и многим граням этой вечной темы, я говорю лишь о проблеме взаимоотношений творца и того, кто ему внимает. Это всегда общение, и это всегда общение двух. И масштаб художника через личное общение открывает в нас такие горизонты, о которых мы и не догадывались.

Хочу особо подчеркнуть, что эти запредельные силы звучали на концертах Рихтера даже тогда, когда, казалось бы, он играл что-то очень простое и «земное». Например, меня всегда поражает, как исполняется Рихтером окончание моцартовского фортепианного концерта №20 (ре минор К.466). Там звучит почти детская простенькая и веселая мелодия — это как песенка о курочке, которая ходит по двору и клюет зернышки. Вот и все. Мелодию ведет оркестр, а звуки рояля как бы вплетаются в эту веселую простоту. Я не знаю, в чем тут дело, но каждый раз, слушая запись, ощущаю наем на простоту высшую и испытываю радость чистую, прозрачную, не условленную.

И еще. У многих пианистов, которых я слушал, «Времена года» Чайковского звучат как серия зарисовок о природе и о каких-то моментах быта. У Рихтера — это рассказ о всей жизни человека, от рождения и до ухода. И, как всегда, все соотносено с содержанием

портреты: либо работы художников-друзей, либо сами эти друзья были изображены на портретах.

Замечательна была и вся атмосфера, встретившая нас. Не было того, что почти всегда сопровождает вернисажи, — «светской» болтовни и суетности, когда не дают толком рассмотреть представленные работы.

Можно было спокойно разглядывать портреты, и, если хозяин дома видел, что вы особенно заинтересовались одним из них, подходил и давал пояснения, помогающие лучше увидеть.

Вспоминая тот день, который был Бог ведает сколько лет назад, я вновь испытываю волнение — вероятно, всегда, чем бы ни занимался Святослав Теофилович, рядом с ним мы невольно попадали в особую атмосферу высокого творчества, красоты, гармонии.

Я видел его на эстраде и несколько раз в обычной обстановке. Лишь по рассказам знаю, что он был еще и прекрасным художником, умел писать письма (искусство, забываемое ныне), был инициатором многих фестивалей и всевозможных творческих начинаний. Обо всем этом уже много написано и, вероятно, будет еще написано и рассказано.

Помню, как на той выставке мы задержались у небольшого листа. Если не ошибаюсь, черной тушью (может быть, и карандашом) был запечатлен облик молодой изящной женщины. Запомнился легкий поворот головы, подчеркнувший красоту изгиба шеи, а чуть тронутые красным губы оттеняли бледность немного усталого, благородного лица. Святослав Теофилович, подойдя, пояснил, что это работа Фалька, и рассказал трогательную и грустную историю. Вот она, как я ее запомнил.

Однажды в парижском кафе художник стал набрасывать портрет привлекавшей его внимание официантки и сказал ей что-то о ее изысканной красоте, а в ответ услышал спокойное: «Ничего нет уди-

Талант и труд

(Из готовящейся книги о дирижерском искусстве)

Умер Святослав Рихтер — большой артист и человек. Слава ему!..

Масштаб его огромного таланта не нуждается в словословиях, но ответьте себе на простой вопрос: что являлось при жизни главным элементом его деятельности? И вы сразу, не задумываясь, назовете: труд! Количество времени, ежедневно и в течение всей жизни, посвященное своему инструменту! И это при его-то таланте!.. Зачем!?

Да при своих природных данных он мог бы еще (плюс к профессии пианиста) дирижировать всеми оркестрами мира, открывать памятники, закрывать фестивали, учить и поучать всех вокруг, коллекционировать инструменты, быть председателем во всех международных жюри... Сколько возможностей быть на виду у мировой общественности! Сколько дополнительных гонораров!.. Как же так? Почему человек всю жизнь сидел за своим инструментом и играл? Наконец — зачем ему это?!

Ответ прост: он не мог и не хотел жить иначе, поскольку ему было более всего интересно именно сидеть за роялем и играть хорошую музыку, и особенно интересно для него было — постоянно пытаться погружаться в глубины этой музыки, а не просто благополучно дрейфовать по поверхности. Кстати, он имел дирижерский дебют, но не считал его удачным: видимо, не был убежден в том, что дирижирование — его призвание...

Все по-настоящему серьезные люди и солидные мастера своего дела всегда работали с большой концентрацией сил в одном, главном для себя направлении. Одержимость своим трудом, постоянно пылающий, подобно прометеевскому огню, интерес не к чьим-то делам и делишкам, а к своему прямому делу, постоянное желание открыть в нем для себя что-то новое, еще более глубокое и значительное, сжигало таких людей и заставляло их постоянно возвращаться как бы к тем же темам, пытаться найти в них новое звучание, новый поворот мысли, новое ощущение, чтобы затем обязательно передать все это другим людям, оплодотворенное своим чувством и интеллектом.

...Справедливо, что любое новое — это хорошо забытое старое. Но для неглубоких людей старое — всегда лишь только старое, а новое — всегда обязательно новое! Слепота и опрометчивость недостаточно щепетильного человека безгранична, хотя со стороны она может показаться даже эффектной. Вот почему некоторые «деятели искусства» довольно скоро истощают свой интерес к избранному ими же делу и всю жизнь мечутся в поисках приложения своих сил по разным другим профессиям, к которым у них явно не хватает призвания. Их стоит пожалеть: им мало счастья в своем деле, и они наивно полагают, что найдут его в другом. Разумеется, бывают случаи, когда еще в детстве не повезло с профессией и только позже осенило, чем нужно заниматься. Не следует осуждать таких людей. Это несчастие — не осознать еще в юности, какое дело тебе нравится более всего, и еще большее несчастие — ошибиться в выборе профессии!..

ЮРИЙ СИМОНОВ

Брюссель

Святослав Рихтер в Париже. 70-е годы.
Фото Эрика Антера

вительного, я — Нарышкина».

Когда мы уходили, то получили на память фоторепродукцию портрета Нарышкиной.

Букет фиалок

С какого-то времени я стал воспринимать и самого маэстро как законченное произведение искусства.

Весной 1987 года, примчавшись на один день в Вену повидать нашу близкую подругу Наталью Журавлеву, с которой не виделись семь лет (это был ее первый выезд за границу), мы совершенно неожиданно-негаданно увидели Святослава Теофиловича.

Дело в том, что Рихтер и семью артиста Журавлеву (а Наталья — младшая дочь) связывала многолетняя дружба (кстати, Дмитрий Николаевич оставил замечательные воспоминания о маэстро), и вот теперь Наталья получила возможность поехать с «дядей Славой». Обо всем этом мы знали, но совсем не ожидали, что встретимся с Рихтером.

Мы втроем (Рихтер отдыхал) долго в тот день гуляли в венском лесу, и моя жена, собрав букетик фиалок, попросила нашу подругу передать его Святославу Теофиловичу. По возвращении в гостиницу просьба была выполнена.

И вот к вечеру, когда мы собрались уже уезжать, в номер, в котором мы находились, вошел маэстро с букетом роз. Поцеловав руку моей жены, он сказал, что фиалки — его любимые цветы, ибо напоминают ему что-то самое дорогое (боюсь ошибиться, но, кажется, он говорил о своей маме). И с легким поклоном он отдал ей розы.

Вся эта как бы бытовая сцена была по-рихтеровски значительной.

Весь тот и без того для нас трюх радостный день благодаря приходу Рихтера превратился в моей памяти в прекрасное, законченное, гармоничное во всех своих частях произведение искусства...

Строитель

Последний раз нам довелось побывать на концерте пианиста в июне 1991 года недалеко от города Тура в большом каменном старинном амбаре, превращенном в концертный зал. Исполнялись баховские «Английские сюиты» и его же «Итальянский концерт».

Как всегда, к переполненному публикой залу Рихтер вышел собранным, почти закрытым и отстраненным. Вежливо, очень сдержанно, двумя-тремя легкими поклонами ответил на бурные приветствия, сел к роялю и, почти не дожидаясь тишины, заиграл.

Очень часто (хотя и не всегда) музыка вызывает у меня зрительные образы, иногда целые сюжеты.

На этот раз мне представилось, что Святослав Теофилович в одиночку возводил грандиозный собор. Причем это был очень конкретный собор, Шартрский. Мне виделось, что, руководствуясь сохранившимися чертежами (они, думал я, зашифрованы в нотах Баха), руково-

дствуясь какими-то условными значками, делатель (вспомнился портрет Кокоски) угадывал необходимые сочетания и пропорции и в одиночку создавал ритмы, мелодии и аккорды храма. Благодаря наглядности происходящего легко впитывались все частности воплощавшейся гармонии: строитель в одних случаях звал проследить за связью мельчайших подробностей, в других местах направлял внимание на самое главное, обобщающее.

Наша память, как и внимание, субъективно-избирательна, и, вероятно, поэтому я не слышал (или не запомнил), как в какой-то момент запели птицы во дворе. Музыка громче — и они громче, музыка тише — и они тише. Бывшие со мной говорят, что вдруг стал слышен гул самолета. Может быть, я все это не заметил потому, что творческий акт, совершаемый в пространстве Амбара, при всей своей устремленности к небу был земной, не оторванный от нас, грешных, и легко включал в себя любые «здешние» факты: и нас, внимавших музыке, и птиц во дворе, и самолет в небе.

Говорили, что Рихтер не любил получать по окончании концерта цветов. Но тут в Амбаре к весьма высокой эстраде подошел мальчик и, вставши на цыпочки, протянул маэстро розу. Рихтер нагнулся, принял дар и пожал малышу руку как равный равному. Великий артист и малыш.

Нине Львовне

Прощаясь со Святославом Теофиловичем, мы выражаем глубокое сочувствие его жене Нине Львовне Дорлиак и его близким. И тут самое время сказать вот о чем.

Широко известна прекрасная певица Нина Дорлиак. В частности, легендой стали те концерты, на которых ей аккомпанировал Рихтер. Говорят, это были незабываемые дуэты.

В музыкальных кругах высоко ценится и педагогическая деятельность Нины Львовны. Но помимо этого, как я понимаю, его жене нужно было отдавать много сил и внимания в связи еще с одним обстоятельством. Непосвященным трудно представить, как оскорбительно было поначалу отношение начальства к «невъездному», а потом «выездному» (для гастролей за границей) артисту. (Хрушев в мемуарах говорит, что история с «товарищем Рихтером» была «примером известного риска»).

И вот от всего этого властвующего невежества и оскорбляющей наглости надо было в предельно возможной степени оградить великого артиста. Глубокоуважаемая Нина Львовна, низкий Вам поклон.

Божий свет приходит к нам преломленным через явления природные и достойные людские деяния. Ушедший художник свое совершил.

«Дальнейшее — молчанье» (Шекспир. «Гамлет» в переводе Б.Пастернака).

ЛЕВ КРУГЛЫЙ

Париж